

В.И. Ильин

ИТОГИ РЫНОЧНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Рецензия на книгу: Калугина З.И., Фадеева О.П. Российская деревня в лабиринте реформ. Социологические зарисовки. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2009. — 340 с. ISBN 978-5-89665-213-7.

Рецензируемая книга представляет собой логическое продолжение целой серии публикаций этих авторов, посвященных проблемам развития или скорее выживания российского села в условиях рыночных реформ. Она подводит экономические и социальные итоги той гигантской трансформации, которая началась после краха перестройки в конце 1980-х гг.

Методика исследования

Объект исследования имеет два уровня. С одной стороны, это российская деревня, точнее, сельское хозяйство и аграрный рынок труда в целом с 1990 по 2008 г. Эта тема раскрывается на основании трех основных групп источников: (1) данных официальной статистики; показывающих динамику развития сельского хозяйства и социально-экономического развития села; (2) нормативных государственных документов, регулирующих институциональные преобразования в сельском хозяйстве; (3) данных эмпирических исследований других авторов, подвергающихся вторичному анализу. На этой основе авторам удалось дать в целом безрадостную картину социально-экономической трансформации российского сельского хозяйства в условиях рыночных реформ. Эта картина, с одной стороны, показывает динамику, начиная с 1990 г. вплоть до середины «нулевых» лет, а с другой, дает схематичное пред-

ставление о сегментации социального пространства села в региональном и внутрирегиональном срезе.

С другой стороны, ядром объекта исследования является село Новосибирской области, где авторами на протяжении длительного периода ведутся эмпирические исследования. Здесь анализ становится более детальным, из него вырисовывается более дифференцированная и противоречивая картина социально-экономической трансформации новосибирского села. В основе этого исследования лежит более обширная источниковая база. Помимо данных официальной статистики активно используются интервью с экспертами (в основном представителями местной администрации и муниципалитетов), хозяйственниками, массовые опросы. К сожалению, методические вопросы уведены авторами в тень, поэтому процедура получения используемой информации в большинстве случаев остается недостаточно ясной. Большой интерес представляют мини-кейсы (0,5–1 страницы), где объектом выступают отдельные населенные пункты, а также множественное кейс-стади нескольких аграрных предприятий Новосибирской области, представляющих разные формы хозяйственной организации. Правда, в книге, видимо, в силу ограничений формата сами кейсы как комплексные ситуации почти не прописаны, а представлены уже сделанные авторами выводы, что не позволяет говорить о реальном использовании стратегии кейс-стади. Авторы на основе интервью с экспертами дают очень лаконичную историю социально-экономической трансформации населенных пунктов и хозяйств, начиная с первой половины 1990-х гг.

Источниками информации и оценок выступают представители муниципалитетов, менеджеры, фермеры и т. д., голос рядовых работников фактически не слышен. Как и в былые времена, крестьянство остается молчащим классом. Однако это не означает слепого следования исследователей на поводу одной из сторон. Изучая объективные данные о положении сельского населения, авторы книги показывают огромные социальные издержки рыночных реформ для разных категорий сельских жителей.

Итоги периода рыночных реформ

Читая эту книгу, видишь, как одна форма неэффективной организации экономической и социальной жизни деревни была заменена другой неэффективной формой. Если опираться только на экономические критерии оценки, то почти два последних десятилетия — это бессмысленно потраченные годы. Ни одна война XX в. не имела для сельского хозяйства столь глубоко разрушительных последствий, как рыночные реформы.

Анализ государственной статистики показывает, что валовой сбор зерна (один из ключевых показателей развития российского сельского хозяйства) сократился с 106,9 млн т в 1992 г. до 65,4 млн т в 2000 г., затем наметился относительный подъем: в период с 2001 по 2007 г. сбор зерна стабилизировался на уровне 78 — 87 млн т и лишь в 2008 г. был достигнут дореформенный объем: 108,2 млн т. Особенно катастрофическими были результаты реформ для животноводства: с начала 1990-х гг. поголовье крупного рогатого скота во всех категориях хозяйств уменьшилось в 2,5 раза, свиней — почти в 2 раза, овец и коз — в 2,4 раза. Особенно катастрофическими стали результаты в секторе сельхозпредприятий. Доля импортных товаров на продовольственном рынке достигла 30 %. Рынок ориентирует хозяйствование на экономическую эффективность. Однако итоги оказались противоположными: в 1990 г. убыточными были 3 % аграрных предприятий, в 1995 г. — 57 %, в 2000 г. — 51 %, в 2007 г. — 22 % (с. 7).

Ядро причин, приведших к таким результатам, — это то, что в отечественной литературе определяется как «институциональные ловушки». И авторы обстоятельно рассматривают на основе вторичного анализа литературы и собственного исследования эти ловушки, суть которых не сформулируешь лучше В. Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось, как всегда». Авторы книги дают свое определение этого феномена: *«институциональная ловушка — это обусловленное институциональными преобразованиями устойчивое существование неэффективных норм поведения, которые, в свою очередь, поддерживают устойчивое существование неэффективных общественных институтов»* (с. 22).

В монографии рассматриваются следующие ловушки:

- 1) мелкотоварность, ведущая к архаизации вместо модернизации;
- 2) хроническая убыточность сельхозпредприятий;
- 3) низкая цена труда и бедность сельского населения.

Экономические и социальные процессы тесно переплелись, тормозя друг друга. Несмотря на доминирование в книге голоса представителей власти и сельского бизнеса, исследователям удается уйти от бездушно-рационального подхода к людям как к рабочей силе, по отношению которой стоит лишь одна задача: повышение эффективности ее использования. В книге дается достаточно сбалансированная и разносторонняя картина, в которой экономический анализ удачно сочетается с социологическим.

Неэффективное и некомплексное экономическое развитие ведет к тому, что значительная часть сельского населения теряет социальную стабильность, лишается шансов на будущее, что, в свою очередь, делает сомнительным и будущее всей российской деревни. Уродливая система

социально-экономических отношений, пришедшая на смену колхозному строю, породила массовое пьянство, уничтожение стимулов к труду. Исследователи приходят к неутешительному выводу: *«Массовую деградацию и люмпенизацию сельских работников можно отнести к числу самых зримых негативных последствий проведенных аграрных преобразований»* (С. 153).

Авторы показывают, с одной стороны, катастрофические последствия непродуманных рыночных реформ для села, а с другой, рассматривают очаги роста новой эффективной рыночной экономики. Эти ростки в начале XXI в. начали заметно влиять на статистическую картину. В деревне появился узкий круг удачливых фермеров, туда приходит крупный капитал, создавая крупные агрофирмы и агрохолдинги, показывающие примеры современного бизнеса. Однако и эти ростки экономического роста порождают болезненные процессы вытеснения в сферу безработицы и бесперспективной самозанятости в масштабах личного огорода широких слоев «излишнего населения». Материалы монографии показывают, как однобокая экономическая модернизация порождает архаизацию социально-экономической жизни широких слоев селян, возвращающихся в эпоху примитивного ручного труда. Модернизация в нынешней форме подрывает социальную структуру села, ведет к маргинализации существенной части сельского населения: *«Стремясь повысить свою конкурентоспособность, новые хозяйствующие субъекты сокращают численность занятых, оставляя на предприятиях наиболее квалифицированных и дисциплинированных работников, борются за лучшие земельные угодья и получение преференций со стороны местных властей. Экономические интересы хозяйствующих субъектов нередко входят в противоречие с интересами тех групп сельского населения, которые остаются без работы, теряют имущественные и земельные паи, лишаются поддержки для ведения личного подсобного хозяйства»* (С. 317).

В ходе эмпирического исследования сельского развития Новосибирской области авторы определяют актуальные проблемы села:

(а) Относительно низкий уровень заработной платы в базовой отрасли, т. е. в сельском хозяйстве: в 2008 г. 38 % от среднего областного уровня; 70 % сельских работников утверждают, что их труд оплачивается несправедливо и оплата не соответствует их квалификации и трудовому вкладу.

(б) Относительно высокая концентрация бедности: здесь доля населения с доходами ниже прожиточного минимума вдвое выше, чем в городе.

(в) Моноотраслевая структура занятости, создающая очень узкий выбор рабочих мест.

(г) Высокий уровень и регистрируемой, и общей безработицы: в 2009 г. 43,5 % от общего числа зарегистрированных в области безработных проживали в селе при удельном весе сельского населения в 2,7 %.

(д) Высокие масштабы занятости населения в неформальном секторе: основными источниками доходов являются личное подсобное хозяйство, оказание услуг частным лицам, сбор дикоросов и социальные пособия.

(е) Низкий уровень профессиональной подготовки населения: по данным Всероссийской переписи населения 2002 г., лишь 7 % сельского населения (в возрасте от 15 лет и старше) имели высшее образование.

(ж) Деградация социальной инфраструктуры села.

Все это вполне естественно вело к сокращению численности сельского населения и фактическому исчезновению заметного числа населенных пунктов (с. 293).

Авторы исследования делают по итогам своего исследования ряд выводов:

1) Единой модели обустройства сельского хозяйства и одинакового комбинирования для такой огромной страны, как Россия, существовать не может.

2) Важным представляется и вывод о том, что предметом стратегических разработок должно быть не сельское хозяйство, а сельское развитие в целом, включающее три основных направления:

- развитие сельской экономики,
- развитие сельских территорий,
- развитие человека.

3) Необходим переход от государственного патернализма к саморазвитию сельских территорий с опорой на внутренние ресурсы и равноправное партнерство государства, бизнеса и населения (С. 291).

Рецензируемая книга является хорошей основой, позволяющей идти дальше в изучении данной темы. В частности, при чтении книги чувствуется потребность углубления изучения села путем более детального этнографического анализа структур повседневности в разных типах населенных пунктов в различных регионах. Можно более глубоко и конкретно рассмотреть жизненные стратегии и повседневные практики жителей села, их интерпретацию своей судьбы и используемых путей решения проблем. Чтение книги порождает немало вопросов, касающихся трансформации культуры повседневности. Авторы мельком упоминают некоторые сюжеты, но эта тема нуждается в более тщательной проработке. В нынешних условиях возникает потребность и в изучении жизни села и ее перспектив в контексте растущей глобализации и разви-

тия информационного общества. Спутниковое телевидение, Интернет, мобильная связь постепенно проникают в сельскую жизнь, меняя традиционные критерии изоляции, открывая новые возможности для ее преодоления. Кризис не просто сельского хозяйства, а всего сельского образа жизни вызывает потоки миграции молодежи из деревень в райцентры и города. Данные статистики, фиксирующие динамику численности населения, не показывают всей глубины проблемы депопуляции российской деревни, ставящей под вопрос перспективность ее существования уже в ближайшем будущем. Если брать Сибирь и Дальний Восток, то эти процессы ведут к обезлюдению тех регионов, которые заселялись несколько сотен лет в результате огромных усилий и государства, и народа России.

Это лишь краткий перечень тем, которые приходят на ум при чтении рецензируемой книги, провоцирующей размышления и исследовательский интерес. Одна из главных задач любой книги — стимулирование интеллектуальной работы читателей. И работа З.И. Калугиной и О.П. Фадеевой с ней успешно справляется, имплицитно обозначая возможные пути для новых исследований.